

Временами я младенец, временами — монстр.
Все, что между этими состояниями, не про меня.
Все, что между ними, — тухлятина.
Только младенец и монстр свободны.
Они *Другие*.

Была середина ночи. Я лежал в постели и чувствовал себя так, словно вынырнул из очень плохого сна, только я не видел снов.

Я не спал.

У меня было мучительное ощущение, будто я в пустоте и мне не за что уцепиться.

Словно меня подвесили в воздухе.

Пол был далеко внизу, стены недосыгаемы, не было ни одного предмета, за который я мог ухватиться.

У меня ничего не было.

Кроме тоски.

Не смертной тоски, не тоски по жизни, но тоски от пребывания в пустоте. Без возможности за что-то держаться. Без всякой возможности.

Это было страшно.

Я даже не мог дожидаться, когда проснусь, — ведь я не спал.

Я зачем-то зажег свет — и ничего не увидел.

Всего, что меня окружало, — стен, мебели, кровати — больше не существовало, ничто не имело смысла.

И тогда я подумал, что схожу с ума.

Я видел, что такое безумие. Безмерное страдание, такое же непередаваемое, как пустота.

Я помню последние слова Мориса Пиала. Я пришел к нему, это был конец, жизнь в нем едва теплилась. В какой-то момент он очнулся. И еле слышно произнес: «Ах, Жерар, ты здесь... видишь, это такая малость». И снова впал в беспамятство. Как будто вернулся к самому себе. Прошептал напоследок: «Знаешь, надо быть осторожнее с женщинами». И все было кончено.*

Он умер сразу после этих слов.

Тут было нечто подобное.

* Морис Пиала (1925–2003) — французский кинорежиссер, сценарист и актер; в 1987 году его фильм «Под солнцем сатаны» по роману Жоржа Бернаноса завоевал в Каннах главный приз — Золотую пальмовую ветвь. — Здесь и далее прим. перев.

По мере того как мерзкое ощущение пустоты уходило, я подумал, что надо быть осторожнее с сумасшедшими. Люди, которых называют сумасшедшими, постоянно чувствуют то, что порой ощущаешь лишь ночью либо в какое-то краткое мгновение.

Что надо о них заботиться.

Отыскивать понятный им язык.

Что вовсе не благодаря лекарствам они обретают опору, за которую смогут держаться. Что им нужна связь. Связь, позволяющая прервать это бесконечное падение, погружение в страшные, нечеловеческие страдания.

Если подумать, такой сон без сна — это удача. У тебя остается кто-то, кто тебя слышит, дает тебе ориентиры. Я могу говорить об этом, я жил в таком состоянии тридцать лет.

Но если мы не станем это анализировать, что останется? Останется лишь ощущение головокружительного падения, которое и теперь меня преследует. Это пугающее падение. Когда все, чем ты обладаешь — или

думаешь, что обладаешь, — исчезает, и ты лишаешься всякой опоры. Когда ты не обладаешь даже той способностью, которую именуют желанием.

Это ужасный момент, когда тебе кажется, будто сердце перевернуто вверх дном, да, вверх дном.

Это момент, когда, как пишет Петер Хандке*, «внезапно мне приходит в голову, что я играю в то, чего не существует».

Я так с этим и живу, но не впадаю ни в отчаяние, ни в пессимизм. Это просто ясность.

Ясность жизни.

Эта боль столь же ужасна, сколь и необходима.

Следует помнить, что она всегда в нас, эта пустота, в самой глубине, в центре всего, пропасть, где ничто не имеет значения и где ничто и никто уже не поможет.

Это чудовищное ощущение, которое мы таскаем с собой и которое может нас упразд-

* Петер Хандке (р. 1942) — австрийский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (2019).

нить, — забывать о нем нам нельзя. Напротив, надо всегда удерживать его в памяти.

Это способ узнать о смерти.

Только ощущение пустоты позволяет нам быть вне смерти.

Жизнь может быть ужасающей. Она прекрасна лишь тогда, когда ею управляют. Когда мы используем ту движущую силу, которой обладаем и которая влечет нас вперед. Уводя от безумия, от этой живой смерти и перемещая в Другое.

Не позволяйте забирать свою жизнь, ее следует проживать в Другом, едва позволят обстоятельства. Это не бегство. Это способ выжить, убежать от адской машины, которая безостановочно движется вперед, чтобы раздавить нас.

Отправиться в Другое.

К чему-то, что чуждо здешнему безумию.

Безумию, что нас окружает.

Безумию внутри нас.

Отправиться туда, где можно проживать свою радость, не задаваясь вопросами. Там она и живет, наша радость: там, где вовсе не задаются вопросами.

О чем задумался? Ни о чем!
Снова невинный младенец.
Открытый всему и ни к чему не причастный.
Всегда отправляться на поиски новой радости в Другое, чтобы эта радость продолжалась.

УЧИТЬСЯ ЗАБЫВАТЬ

Стараясь выжить, я научился жить.

Уже в чреве матери.

Она пыталась избавиться от меня спицей для вязанья.

Я боролся с этой угрозой и победил.

Выбрался из чрева, счастливый оттого, что остался жив.

С самого начала.

Счастлив тем, что выжил.

Это был, пожалуй, мой первый урок: за уколом спицы следует радость.

Помимо всего, что нам противостоит, есть еще Другое.

Я не злился за эти спицы на нее, мою маму, Лилетту.

Потому что всегда знал: это было не из-за меня. Из-за любовной истории ее отца

